

К. В. САЛЬНИКОВ

(Уфа)

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

За годы, протекшие со времени проведения Первого Уральско-Археологического совещания, на территории Южного Урала исследовано много новых памятников, обогащающих наши представления о древнейшей истории местных племен. Открыты новые пещерные стоянки эпохи позднего палеолита; в одной из пещер обнаружены первые образцы настенной живописи (Бадер, 1961 д). Выявлены следы мезолитического населения; изучены первые неолитические стоянки на севере южного Зауралья: Чебаркульская, Абселямовская, Иткульская (Кипарисова, 1960), Бабарыкино II (Сальников, 1961 а), родственные с Полуденкой и другими памятниками Урало-Казахстанской культурной области; на юге западного Приуралья намечена пограничная полоса между неолитическими культурами Прикамья и Зауралья.

В период энеолита на большей части территории Южного Урала обитали потомки неолитического населения. Изучение памятников этой эпохи позволило выделить ряд локальных вариантов: дмитриевский (Кипарисова, 1960), кысы-кульский, бабарыкин-ский (Сальников, 1961 б). С юго-запада в это время начинается проникновение на Урал племен полтавкинской культуры (Сальников, 1961 б).

Малочисленность известных мезолитических и неолитических памятников настоятельно требует решительного усилия в их поисках на всей территории Южного Урала.

Много сделано в области изучения бронзового века Южного Урала. Десять лет назад на Урале был известен только один абашевский памятник, открытый в 1934 году — селище Баланбаш. Сейчас изучено пять поселений. Погребения с абашевским инвентарем обнаружены на западе Башкирии, в Челябинской и Курганской областях. Установлено высокое развитие абашевской металлургии, ее роль в снабжении металлом древних племен за пределами Урала. Удалось доказать, что абашевские племена обитали на Урале в середине II тыс. до н. э., что они были предшественниками срубных племен в этих местах. Необходима, однако, большая работа для выяснения генезиса абашевской культуры. Памятники ее разбросаны на огромной территории: от Калуги и Ярославля на западе до Кургана на востоке, от Марийской республики на севе-

ре до Южной Башкирии; намечаются локальные варианты, по районам обнаруживаются различия во времени обитания. Так как в развитии абашевской культуры большую роль играла уральская металлургия, следует расширить работы по изучению абашевских памятников в этом районе.

Резкие отличия материальной культуры абашевцев от культуры ираноязычных срубных и андроновских племен, а также расселение их к северу от последних делают вполне вероятным предположение о принадлежности абашевцев к племенам финно-угорской языковой группы.

Исследования последних лет показали, что срубные племена заняли на Урале значительную территорию, в особенности в северо-западной Башкирии, где их поселения доходят почти до устья р. Белой. Продвигаясь к востоку, срубные племена натолкнулись на встречное движение андроновских групп на запад. Этот интересный процесс, детали которого еще предстоит изучить, привел к сложению в Южном Приуралье смешанной срубно-андроновской культуры. В одних случаях памятники отражают полное слияние элементов двух культур (Сальников, 1950 а), в других — в среде основной культуры вклиниваются элементы второй (К. Смирнов, 1957; Сальников, 1959; Викторова, 1960).

В области изучения андроновской культуры новые открытия заставили пересмотреть датировку ее этапов в сторону их удревнения (Сальников, 1959). Увеличиваются материалы о локализации отдельных важных черт андроновских памятников, возникает даже вопрос о выделении алакульских памятников в самостоятельную культуру (Федорова-Давыдова, 1960). Все определеннее становится своеобразие северного, лесного варианта андроновской культуры (Сальников, 1951), сложившегося при большом участии местных доандроновских культур, в первую очередь, дмитриевской (Кипарисова, 1960).

Близкая родственность западноандроновской (алакульской), срубной и тазабагьябской культур требует к себе пристального внимания и новых усилий в их сравнительном исследовании. В этой связи весьма перспективны работы на юго-востоке Оренбургской области, где на протяжении многих лет местным краеведом А. С. Новиченко открыты несколько десятков селищ бронзовой эпохи со следами крепления стенок землянок каменными плитами. Раскопки Е. Е. Кузьминой подтвердили эти наблюдения А. С. Новиченко. В настоящее время можно считать доказанной ираноязычность племен степной полосы Южного Урала — срубной и андроновской культур, а также существование генетической связи между ними и савромато-сарматским населением Приуралья. Но генезис самой андроновской культуры остается неясным. Очевидно, его надо решать самостоятельно для каждого отдельного района огромной территории, оформившейся затем в андроновскую культурную общность.

На западе Южного Урала вскрыт новый важный пласт памятников, которые объединяются под названием культуры Курман-Тау (Сальников, 1954). Их предананьинский характер установлен

А. В. Збруевой (1952). Имеются основания видеть в этих памятниках посредствующее звено между культурами абашевской и кара-абызской. Керамика типа Курман-Тау за последнее время выявлена также на Средней Каме (Денисов, 1960 а), что подкрепляет тезис о ее предананьинском характере.

В эпоху раннего железа на Южном Урале можно выделить три своеобразных по культуре района. Степи были заняты кочевьями сарматских племен. Их курганы содержат обряд погребения и могильный инвентарь того типа, который хорошо изучен советскими археологами в степях Оренбуржья. Это потомки местного населения эпохи бронзы. Довольно широкие раскопки сарматских курганов, в особенности в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье, позволили установить стройную периодизацию сарматской эпохи в истории Южного Урала (Граков, 1947; К. Смирнов, 1947 и 1950). За послевоенные годы исследованы памятники на северной окраине сарматской территории: в районе Магнитогорска (Сальников, 1950 б). Троицка (Кипарисова, Сальников, 1958), Уфы (Садыкова, 1961). Поздние памятники с вещами сармато-аланского типа обнаружены на территории г. Уфы (Ахмеров, 1949, 1951) и к северу от нее (Мажитов, 1959 б).

На правобережье среднего течения р. Белой за последнее время четко определилась вторая группа поселений эпохи раннего железа. Известная долгое время главным образом по раскопкам А. В. Шмидта на городище Кара-Абыз (Шмидт, 1929) и работам В. В. Гольмстен на Уфимском («Чертовом») городище (Гольмстен, 1913) эта группа памятников, благодаря исследованиям Г. В. Юсупова (1959) и Т. Н. Троицкой (1959), может теперь с большей определенностью быть выделена в особую кара-абызскую культуру (Смирнов, 1952). Последняя имеет много общих черт с ананьинской культурой, но одновременно близка к зауральским памятникам типа городища Чудаки (Сальников, 1947), а также связана со степной культурой сарматов. Необходимо возобновить раскопки этих интересных памятников, находящихся на границе расселения ираноязычных степняков и финно-угрозязычных обитателей лесной полосы.

Слабо изучена третья группа южноуральских памятников эпохи раннего железа, сосредоточенных в лесостепной полосе Зауралья и в прилегающих лесных массивах. Результаты их раскопок остаются неопубликованными. Основываясь на личном опыте, можно прийти к заключению, что в этом районе на протяжении раннего железного века существовало три культуры, хорошо различающиеся друг от друга по керамике: гороховская, каменогорская и иткульская (Сальников, 1960, стр. 13—15). Типичным памятником гороховской культуры является городище Чудаки у села Горохова (Сальников, 1947). Каменогорская культура, отличающаяся весьма красочной своеобразной керамикой, представлена одноименным городищем, открытым более 50 лет назад В. Я. Толмачевым на р. Синаре в Челябинской области, а также рядом других памятников. Плоскдонные вазовидные сосуды густо орнаментированы оттисками штампов в виде косо́го креста, гре-

бенки и змейки с характерными двойными рядами ямок, отделяющими горло от плечиков. Ямки, как правило, расположены в шахматном порядке. Часто между соседними парами ямок имеется «перекрученный валик». Надо отметить, что каменогорская керамика имеет много общего с выделенной Е. М. Берс гамаюнской керамикой Среднего Зауралья (Берс, 1960). Дальнейшие исследования должны показать, как соотносятся эти культуры: являются ли они генетически связанными или их различия объясняются хронологическими или локальными вариациями.

Ярким представителем иткульской культуры является городище близ дер. Даутово на озере Иткуль (север Челябинской области). Для керамики иткульской культуры типичны круглодонные чаши и горшки с бомбовидным туловом и цилиндрическим горлом, украшенные скромным гребенчатым, резным или ямчатым орнаментом. Иткульская керамика и бронзовые изделия находят аналогии, с одной стороны, в ананьинских памятниках, с другой, — в большереченской культуре Западной Сибири. Кроме того, в иткульской керамике прослеживаются элементы преемственности от местных памятников эпохи бронзы. Взаимоотношения каменогорской и иткульской культур неясны, но с уверенностью можно утверждать, что первая древнее второй. Каменогорская культура, видимо, существовала на грани бронзового и железного веков, наиболее вероятная дата иткульской — V—IV века до н. э. Могильники с захоронениями представителей как иткульской, так и каменогорской культуры не известны.

Слабо изучены на Южном Урале памятники I тыс. н. э. В лесостепном Зауралье памятники гороховской культуры переходят, по-видимому, за рубеж н. э. Необходимо расширить раскопки памятников бакальской культуры середины I тыс. н. э. (Сальников, 1956), население которых входило в состав этнического массива позднесарматских племен.

Несколько больше внимания было уделено изучению I тыс. н. э. в Южном Предуралье на территории Башкирии, где в памятниках этого периода отразились те активные передвижения населения, которые имеют непосредственное отношение к началу и развитию тюркизации местных племен. Большую ценность для изучения этого процесса представляют материалы Стерлитамакского могильника (Ищериков, 1952; Ахмеров, 1955). Много внимания было уделено бахмутинской культуре. За последние годы открыто и изучено несколько селищ, городищ и могильников (Мажитов, 1959, 1959 а; 1961), что позволяет уточнить дату и установить этапы развития этой интересной культуры. Требуется выяснения отношения бахмутинцев к синхронным племенам, оставившим памятники с чертами сармато-аланского типа (Мажитов, 1959; Ахмеров, 1951), а также типа Кушнаренковского могильника и селища.

С территорией Южного Урала связаны башкиро-мадьярская проблема и вопрос о прародине венгров. Поэтому памятники второй половины I тыс. н. э. Башкирии привлекают к себе внимание

венгерских ученых, которые в своих трудах используют все новейшие открытия советских исследователей (Erdeyi Istvan, 1960) и сами ведут здесь раскопки. В 1957 г. И. Эрдейи исследовал могильник IX—X веков у дер. Кушулево в Дюртюлинском районе БАССР. Erdeyi Istvan, 1959), близкий по инвентарю к Стерлитамакскому. Богатое погребение того же типа открыто близ г. Челябинска (Стоколос, 1961). К несколько более позднему времени относятся курганы в дер. Старое Мусино близ Уфы (Садыкова, 1959).

Исследованные памятники могут служить лишь отдельными вехами на пути к выяснению сложных этногенетических процессов, протекавших на Южном Урале в конце I—начале II тыс. н. э. Изучение раннесредневековой истории предков башкир и венгров невозможно без расширения археологических раскопок памятников этого периода на Южном Урале.

Подводя краткие итоги изложенному, можно прийти к заключению, что ни одна эпоха, ни одна культура на Южном Урале не изучены настолько полно, чтобы не требовалось продолжения работ по их дальнейшему исследованию. Наоборот, для создания полноценной истории древних племен Южного Урала нужно усилить внимание советских археологов к этому интересному району, где во всех эпохах прослеживаются взаимовлияния населения южных степей с обитателями северных лесов, племен Восточной Европы — с племенами Западной Сибири и Средней Азии. Ждет своих исследователей огромная территория горных районов Южного Урала, эта «археологическая целина».
